DOI: 10.17976/jpps/2021.03.12

РОССИЯ И КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ И ЭМПАТИЯ

А.Л. Лукин

ЛУКИН Артем Леонидович, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, заместитель директора по науке Восточного института – Школы региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, email: artlukin@mail.ru

Лукин А.Л. Россия и Корейский полуостров: политический реализм и эмпатия. – Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 182-191. https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.12

Статья поступила в редакцию: 25.03.2021. Принята к публикации: 08.04.2021

Аннотация. От развития ситуации на Корейском полуострове, который находится практически в сердцевине Северо-Восточной Азии, во многом будет зависеть стратегическая обстановка в Азиатско-Тихоокеанском регионе и глобальной политике. Монография А.В. Торкунова, Г.Д. Толораи и И.В. Дьячкова "Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет" посвящена рассмотрению ситуации на полуострове и вокруг него с 2008 г. до настоящего времени. В книге исследуются сразу несколько крупных взаимосвязанных сюжетов: внутренние процессы в Южной и Северной Корее, отношения между Севером и Югом, ядерная проблема Корейского полуострова и попытки ее решения, перспективы формирования многосторонней архитектуры безопасности в Северо-Восточной Азии, а также политика России на Корейском полуострове и отношения России с каждым из двух корейских государств. Хотя с некоторыми выводами авторов можно поспорить, книгу, отличает, с одной стороны, трезвый и реалистичный анализ процессов на Корейском полуострове, а с другой стороны – чувство геополитической эмпатии, позволяющее лучше понять мотивы, которые толкнули Северную Корею на ракетно-ядерный путь. Авторы монографии предлагают визионерский "северотихоокеанский проект" – институт сотрудничества ключевых игроков в Северо-Восточной Азии и северной части Тихого океана, в рамках которого можно было бы взаимодействовать не только по ядерно-стратегической проблематике, но и по самому широкому кругу вопросов.

Ключевые слова: Корейский полуостров, КНДР, Северная Корея, Республика Корея, Южная Корея, Северо-Восточная Азия, ядерная проблема Корейского полуострова, российско-корейские отношения.

Перемещение центра глобальной геополитики в Восточную Азию – это уже почти аксиома. Не в Евро-Атлантике, а на Тихом океане будут решаться судьбы мира в двадцать первом веке. В свою очередь Корейский полуостров – это, пожалуй, главный центр тяжести восточноазиатской геополитики. Именно здесь, в Северо-Восточной Азии и северной части Тихого океана, непосредственно пересекаются – и зачастую сталкиваются – все три великие державы мира: США, Китай и Россия. Здесь же располагаются и игроки меньшего ранга, чей военно-политический и экономический вес тем не менее весьма внушителен, – Япония, Южная и Северная Корея, а также Тайвань.

Корейский полуостров интересен еще и тем, что это сегодня единственный кейс, где в чистом виде явлено соперничество двух конкурирующих социально-политических моделей – либеральной и авторитарно-тоталитарной. В чем-то похожая ситуация имеется между "коммунистическим" материковым Китаем и "демократическим" Тайванем, но все-таки в китайско-тайваньском

случае асимметрия в потенциалах слишком велика, чтобы можно было делать сколько-нибудь обоснованные сравнения. Корейские же государства вполне сопоставимы в размерах, и подводить итоги этого "социального эксперимента", наверное, еще преждевременно.

России этот полуостров на восточном краю Евразии небезразличен еще и потому, что Корея (Северная) имеет общую границу с российским Дальним Востоком, а Южная Корея стала вторым по значимости торговым партнером нашей страны в АТР (следуя за Китаем, но опережая Японию). Наконец, Россия не может не ощущать определенную моральную ответственность за то, что происходит на Корейском полуострове, учитывая, что наша страна с конца XIX в. была плотно вовлечена в геополитические игры вокруг полуострова, а после Второй мировой войны СССР фактически создал Корейскую Народно-Демократическую Республику (КНДР), внеся таким образом вклад в раскол Кореи на два противостоящих друг другу государства.

Давние связи России с Кореей и более чем вековая вовлеченность русских в региональные геополитические процессы закономерно способствовали тому, что в нашей стране сложилась одна из самых сильных в мире школ корейских исследований. Еще одно подтверждение этому – выход в свет в этом году монографии "Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет", авторами которой выступили А.В. Торкунов, Г.Д. Толорая и И.В. Дьячков. Книга посвящена рассмотрению ситуации на Корейском полуострове и вокруг него со второй половины первого десятилетия нашего века до настоящего времени. В монографии сведены воедино сразу несколько крупных, но взаимосвязанных сюжетов: внутренние процессы в КНДР и Республике Корея (РК), отношения между Севером и Югом, ядерная проблема Корейского полуострова и попытки ее решения, перспективы формирования многосторонней архитектуры безопасности в Северо-Восточной Азии и, наконец, политика России на полуострове и отношения России с каждым из двух корейских государств.

Монография "Современная Корея" – это не теоретический труд. Авторы не претендуют на изобретение новых теорий и концепций и даже не ссылаются на уже существующие. И это в данном случае вполне справедливо, поскольку предметом их исследования являются одновременно и внутренние (в Южной и Северной Корее), и международно-политические процессы. Нужна теория, которая адекватно объясняет и внутренние, и международные измерения политического поля, а также их взаимосвязи и взаимодействия. Но такой теории не существует, и еще вопрос, можно ли ее создать вообще.

Впрочем, можно утверждать, что имплицитно в книге присутствует вполне определенная теоретическая парадигма. Это парадигма политического реализма, согласно которой мир политического основан на силе и балансе сил. Читая монографию, еще раз убеждаешься, что перипетии вокруг Корейского полуострова принципиально не отличаются от соперничества держав две с половиной тысячи лет назад на другом евразийском полуострове, Пелопоннесском, описанного Фукидидом в классической "Истории Пелопоннесской войны". В фукидидовском "Мелосском диалоге" жители небольшого острова Мелос отказываются покориться могущественным Афинам, надеясь на помощь союзников и защиту богов, которые не могут допустить попрания справедливости. В результате, как известно, Мелос был взят афинянами "по праву сильного", а все его население либо уничтожено, либо обращено в рабство. В отличие от несчастного Мелоса,

Северная Корея всегда остро осознавала, что "только при равенстве сил обе стороны признают общую для той и другой стороны необходимость" [Фукидид 2017].

Главным "уравнителем" в отношениях Пхеньяна с великими державами в конечном счете стало ядерное оружие. В северокорейском сюжете авторы по сути рассказывают историю о том, как небольшое азиатское государство не только выживает в крайне непростых условиях, но и не без успеха заставляет сверхдержаву (США) признавать равенство сил, а значит и равенство прав.

"Современная Корея" импонирует тем, что ее авторы не навязывают свои интерпретации и весьма сдержанны в оценках. Это выгодно отличает книгу от большинства западных продуктов на схожую тематику, в которых Пхеньян выступает в виде аморального актора и источника всяческих угроз международному сообществу. В то же время монография свободна и от другой крайности, свойственной работам некоторых отечественных авторов: в ней нет идеализации КНДР. Показательно, например, что северокорейская политическая система в книге именуется амбивалентным словом "режим", хотя применительно к Южной Корее этот термин ни разу не употребляется. Ученые прямо заявляют, что КНДР представляет собой клановую "аристократическую теократию" наподобие древней "восточной деспотии" и отличается "исключительно жестким режимом административно-полицейского контроля" [Торкунов, Толорая, Дьячков 2021: 7].

Авторы монографии подчеркивают, что нет оснований сомневаться в долговременной устойчивости северокорейского режима, особенно учитывая многочисленные прошлые прогнозы о его "неизбежном и скором крахе", ни один из которых не оправдался. Они прогнозируют, что КНДР "все так же останется 'крепким орешком'" [там же: 4]. Однако можно ли с полной уверенностью утверждать, что КНДР гарантировано дальнейшее существование? Можно ли считать абсолютно устойчивой политию, в рамках которой, как отмечают сами авторы, несколько сотен тысяч семей, в основном сконцентрированных в Пхеньяне, образуют наследственный привилегированный класс, а значительная часть населения живет в крайней бедности и не участвует в политическом процессе? Более 45% жителей Севера страдают от недостаточного питания[1], при этом большинство северян, по-видимому, знают о том, что стандарты потребления в соседних государствах – и прежде всего в ко-этнической Южной Корее – гораздо выше. Кто-то из северных корейцев знает и о южнокорейской демократии, где население само выбирает – и смещает – лидеров государства. Насколько внешние проявления лояльности рядовых северных корейцев правящей династии Кимов соответствуют их внутреннему состоянию? Иными словами, что северные корейцы думают на самом деле и как они поведут себя в критический момент, который может наступить в результате очередного кризиса, вызванного внутренними или внешними обстоятельствами? Достоверного ответа на этот вопрос не знает никто, включая северокорейское руководство. История знает примеры, когда казалось бы очень прочные и длительно существовавшие авторитарные режимы рушились в одночасье. Если верить мемуарам Джона Болтона, президент Монголии Баттулга – а монголы хорошо знакомы с психологией северных корейцев, – на встрече с Дональдом Трампом высказал мнение, что Ким Ченын больше всего опасается народного

[1] Asia and the Pacific Regional Overview of Food Security and Nutrition 2020. – *FAO UN*. 2020. URL: http://www.fao.org/documents/card/en/c/cb2895en (accessed 30.03.2021).

восстания [Bolton 2020: 326]. Не следует забывать и о том, что северокорейская элита при всей своей сплоченности тоже не гарантирована от внутреннего раскола и предательства. По Фукидиду, Мелос пал в том числе и потому, что в "среде самих осажденных завелась измена" [Фукидид 2017]. Не подвергая сомнению тезис авторов о том, что сейчас не просматривается предпосылок для падения режима, сделаем оговорку: возможность серьезного социально-политического кризиса в Северной Корее исключать нельзя и он может случиться в тот момент, когда его меньше всего ждут.

Нынешний руководитель КНДР Ким Ченын, вставший у кормила после смерти своего отца Ким Ченира в декабре 2011 г., – это уже третье поколение династии Кимов. Но является ли власть молодого Кима по-настоящему единоличной, как у его деда, основателя КНДР Ким Ирсена, стиль которого Ким-младший пытается копировать? В книге нет прямого ответа на этот вопрос. Авторы предпочли не вдаваться в спекуляции на эту тему в условиях отсутствия сколько-нибудь достоверной информации о системе принятия политических решений в КНДР, хотя все же склоняются к тому, что Ким, с одной стороны, не может не учитывать мнений и настроений северокорейской элиты, а с другой стороны, не может отказаться от идеологического наследия своих предшественников [Торкунов, Толорая, Дьячков 2021: 14]. На укрепление личной власти молодого вождя были направлены чистки в высших эшелонах в первые годы его правления, кульминацией которых стала казнь Чан Сонтхэка в 2013 г., мужа родной тети Ким Ченына и одного из наиболее влиятельных людей в северокорейской верхушке. Не исключено, что эту же цель – устранение всех потенциальных соперников – преследовало и убийство в 2017 г. в аэропорту Куала-Лумпура сводного брата Ким Ченына Ким Ченнама. Однако по-настоящему обеспечить легитимность власти Ким Ченына должны были его достижения на благо государства и народа. Таковыми задумывались повышение уровня жизни населения и укрепление ракетно-ядерной мощи. Если на поприще ядерных зарядов и ракет Ким действительно добился впечатляющего прогресса, то с экономикой дела обстоят в целом печально. Ахиллесовой пятой Кима, да и всего северокорейского режима, также может стать состояние здоровья вождя.

Исследователи придерживаются подхода, что главным вопросом для будущего Корейского полуострова "остается будущая роль... и вектор развития Северной Кореи" [там же: 7]. При этом они в какой-то мере противоречат своему же тезису о КНДР как "ригидной структуре". Способность же Юга выйти за устоявшиеся геополитические рамки оценивается в книге довольно скептически: Сеул "вряд ли сможет вырваться из-под опеки США, тем более в условиях разворачивающегося американо-китайского конфликта" [там же: 4]. Думаю, авторы все же несколько недооценивают потенциал для трансформаций в Республике Корея, в том числе таких, которые могут привести к серьезному ослаблению или даже разрыву альянса Сеула с Вашингтоном.

По мере нарастания противостояния между США и Китаем Южной Корее придется делать выбор: либо укреплять связи с американо-японской коалицией и участвовать в сдерживании Китая, либо постепенно дистанцироваться от Вашингтона и Токио и дрейфовать в сторону геополитического нейтралитета и финляндизации, чтобы избежать конфликта с Пекином. Третий теоретически возможный вариант заключается в том, чтобы стать младшим союзником и клиентом Пекина, но вряд ли он всерьез рассматривается южными

корейцами[2]. Несмотря на риторику Сеула о "нерушимости" альянса с США, многие в Вашингтоне подозревают нынешнего южнокорейского лидера Мун Чжэина и его сторонников в недостаточной лояльности к США. Скорее всего, эти подозрения небезосновательны. Левопрогрессивный лагерь, к которому принадлежит Мун, видит Корею в будущем полностью суверенным и независимым государством, а не младшим союзником Вашингтона. Об этом, кстати, свидетельствует ускоренный рост расходов на военные нужды при Муне, что обосновывается в том числе необходимостью "самоопределения"[3].

В южнокорейском обществе активно обсуждаются практически немыслимые ранее вопросы. Следует ли Сеулу пересмотреть свои военно-политические связи с США и избрать политику нейтралитета? Может ли Южная Корея признать гегемонию Китая в Восточной Азии? Следует ли Югу обзавестись собственным ядерным оружием?[4] За почти семьдесят лет существования альянса на Юге в среде военных, дипломатов и экспертно-академического сообщества сформировались мощные проамериканские группы интересов. Укоренилась и психологическая зависимость от альянса с США: нескольким поколениям южных корейцев внушали, что безопасность может быть надежно обеспечена только американскими войсками [Suh 2004].

Поэтому движение в сторону нейтралитета будет, скорее всего, осторожным и постепенным. Южная Корея может последовать по пути Таиланда, формально оставаясь союзником Вашингтона, но одновременно поддерживая близкие отношения с Пекином. Дружба с Пекином нужна Сеулу не только в силу высокой и растущей экономической зависимости Южной Кореи от Китая, но и в связи с пониманием того, что антагонистически настроенный Китай способен негативно влиять на межкорейские отношения и даже сделать невозможной перспективу объединения Кореи.

Одновременно Сеул будет наращивать свой военный потенциал в направлении большей автономии и самодостаточности, уже обладая внушительными вооруженными силами и развитым военно-промышленным комплексом и планируя в ближайшие годы приступить к производству авианосцев, атомных подводных лодок, истребителей и иных мощных систем вооружений[5]. Кроме того, у Южной Кореи есть все необходимое, чтобы при принятии политического решения в краткие сроки стать ядерной державой.

Учитывая, что РК значительно опережает КНДР и по численности населения, и особенно по экономико-технологическому потенциалу, политический выбор Юга может оказаться важнее событий на Севере. Тогда вопрос о том, кто стоит у руля в Сеуле, может в какой-то момент оказаться даже более значимым для судеб Корейского полуострова, чем личности пхеньянских вождей. Нельзя не отметить, что авторам удались политические портреты трех последних лидеров РК – Ли

[2] Лукин А. Почему США не удается создать "мини-НАТО" в Северо-Восточной Азии? – *Валдай*. 03.12.2019. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/pochemu-ssha-ne-udayetsya-sozdat-mini-nato/ (accessed 30.03.2021).

[3] South Korea's Moon Jae-in UPS Defence Spending, Urges North Korea to Talk. – *The Straits Times*. 22.10.2019. URL: https://www.straitstimes.com/asia/east-asia/south-koreas-moon-jae-in-ups-defence-spending-urges-north-korea-to-talk (accessed 30.03.2021).

[4] Robertson J. Coming soon: a neutral South Korea? – *The Interpreter*. 04.11.2020. URL: https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/coming-soon-neutral-south-korea (accessed 30.03.2021).

[5] Defense Ministry plans to build ballistic missile submarines. – *The Korea Herald*. 10.08.2020. URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20200810000758 (accessed 30.03.2021).

Мёнбака (2008-2013), Пак Кынхе (2013-2017) и Мун Чжэина (с 2017). При знакомстве с их жизнеописаниями возникает ощущение, что их стиль, замешанный на авторитаризме и волюнтаризме, не так уж сильно разнится с северокорейским.

Разумеется, что важное место в книге уделено ядерной проблеме Корейского полуострова. Авторы дают концентрированный обзор истоков, основных этапов становления и современного состояния ракетно-ядерной программы Пхеньяна. Хотя основным адресатом ядерных приготовлений КНДР выступают США, авторы отмечают, что потенциальную угрозу в Пхеньяне видят отнюдь не только со стороны американо-южнокорейского альянса: северокорейское руководство держит в уме и риски со стороны своего могущественного соседа и официального союзника – Китая [Торкунов, Толорая, Дьячков 2021: 183-184]. С выводами о том, что "КНДР будет держаться за ядерное оружие до последнего" [там же: 184] и что денуклеаризация Северной Кореи находится "за гранью горизонта вероятности" [там же: 254], трудно спорить.

Авторы монографии не спешат соглашаться с расхожим мнением о том, что наличие у Севера ядерного оружия противоречит целям экономического развития, отмечая, что после освоения технологий и создания базовых объектов ядерный арсенал уже не требует постоянных значительных вложений, а военно-промышленный комплекс может стать источником инноваций и технологий для других отраслей экономики [там же: 54]. Интересно, что схожий тезис об экономической рациональности ядерного оружия формулируют и некоторые видные теоретики на Западе. Так, Эвери Гольдштейн называет ядерное оружие "самым экономически эффективным способом максимизировать безопасность государства, находящегося в опасном окружении". Оно "позволяет государствам удовлетворить базовые потребности в безопасности, не завися от других и не неся высокие материальные издержки по содержанию обычных вооруженных сил, которые бы обладали сопоставимой с ядерным оружием мощью" [Goldstein 2000: 225]. Во многом именно появление у Северной Кореи ядерного потенциала позволило Ким Ченыну провозгласить в 2013 г. курс "пёнчжин", который предусматривал, что отныне государственные ресурсы будут направляться не только на оборонные нужды, но и на развитие гражданской экономики [Торкунов, Толорая, Дьячков 2021: 54].

При Ким Ченыне ракетно-ядерная программа КНДР перешла в новое качество. Северная Корея существенно форсировала работы по совершенствованию своего стратегического арсенала, которые сопровождались участившимися атомными и ракетными испытаниями [там же: 190]. Как справедливо отмечают ученые, сложно судить о реальной степени развития северокорейской ракетно-ядерной программы [там же: 200]. Но нельзя отрицать и того, что за десять лет правления Ким Ченына Северу удалось зримо нарастить ядерный потенциал. КНДР обладает примитивными межконтинентальными баллистическими ракетами (МБР) и, вероятно, термоядерным зарядом. Автор этих строк, который довольно скептически относился к ядерным возможностям КНДР, мог лично убедиться в успехах северокорейского ВПК, когда 3 сентября 2017 г. в его квартире во Владивостоке задрожали пол и мебель. Ощутимое землетрясение, которых отродясь не бывало в столице Приморья, было вызвано волной от испытания термоядерного (или, возможно, бустированного) заряда на полигоне Пхунгери.

Но не стал ли ракетно-ядерный триумф Ким Ченына его стратегическим просчетом? Авторы монографии, верные своему "оценочному минимализ-

му", воздерживаются от суждений на этот счет. Выскажу предположение, что, когда Ким Ченын начинал свой ракетно-ядерный спурт, он рассчитывал на совершенно иные результаты. Замысел заключался в том, чтобы впечатлить Вашингтон северокорейскими ядерными ракетами, способными доставать до континентальной территории США. Таковые возможности Пхеньяна были продемонстрированы успешными пусками МБР "Хвасон-14" и "Хвасон-15" в июле и ноябре 2017 г. Однако вместо того, чтобы просить мира на условиях Пхеньяна, США развернули кампанию "максимального давления", основным инструментом которой стали беспрецедентно жесткие секторальные санкции – фактически экономическая блокада КНДР. Саммиты Кима с Трампом в 2018 и 2019 гг., на которые в Пхеньяне возлагали большие надежды, имели нулевой результат. Санкции сохраняются по сей день.

В своих отношениях с США Ким в каком-то смысле повторил роковую ошибку японцев, которую те совершили в 1941 г., атаковав Перл-Харбор в расчете на то, что американцы предпочтут уйти из Восточной Азии. Но вместо отступления США, как мы знаем, начали тотальную войну против Японии.

США могли рано или поздно примириться с Северной Кореей, обладающей небольшим количеством ядерных зарядов и ракетами ограниченного радиуса действия. Но Вашингтону гораздо труднее признать – и оставить безнаказанной – Северную Корею, которая владеет МБР, способными нанести ядерный удар по основной территории Штатов. Даже Дональд Трамп, при всей своей внешнеполитической неортодоксальности, не мог пойти на это. Предыдущий лидер Севера Ким Ченир, очевидно, понимал это, что и объясняло его сравнительную осторожность в продвижении по ракетно-ядерному пути [там же: 192]. Минимальный ядерный потенциал, позволявший держать под прицелом Японию и Южную Корею, был вполне достаточен для целей стратегического сдерживания. В то же время Ким-старший был весьма искусен в сложных, многосоставных дипломатических играх с Южной Кореей и державами, имеющими интересы на Корейском полуострове. В отличие от отца молодой северокорейский лидер не стал заниматься неторопливой многоходовой дипломатией и решил разрубить гордиев узел. Запуски "Хвасонов" и термоядерное испытание должным образом впечатлили весь мир, но уничтожили кропотливые дипломатические конструкции Ким Ченира, резко сократив шансы достичь договоренности с США и их младшими союзниками – Южной Кореей и Японией.

Одним из последствий ракетно-ядерного прорыва Ким Ченына стало увеличение зависимости КНДР от Китая. Международные (введенные Советом Безопасности ООН) и односторонние (со стороны США, РК и Японии) санкции сделали практически невозможным экономическое взаимодействие Севера со всеми странами – кроме Китая. Сейчас на Китай приходится 95% объема всей внешней торговли КНДР[6]. И это без учета прямой экономической помощи Пекина Северу, прежде всего в виде поставок продовольствия, удобрений и нефтепродуктов. Для сравнения: в 2001 г. на Китай приходилось лишь 17% внешнеторгового оборота КНДР, а торговым партнером Пхеньяна номер один тогда была Япония (30%)[7]. О многом говорит и тот факт, что в течение 2018-2019 гг. Ким Ченын четыре раза посещал Китай для встреч с его

[6] Wertz D. China – North Korea Trade: Parsing the Data. – *38 North*. 25.02.2020. URL: https://www.38north.org/2020/02/dwertz022520/ (accessed 30.03.2021).

[7] N. Korea's Trade Reliance on China Surges Fivefold Since 2001: Data. – *Yonhap*. 01.12.2019. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20191201001900325 (accessed 30.03.2021).

руководством, а в июне 2019 г. Си Цзиньпина с максимально возможными почестями принимали в Пхеньяне. Геоэкономическая зависимость северокорейского государства от Китая влечет риски и для политической самостоятельности, что не могут не осознавать в Пхеньяне. Снизить зависимость могло бы возобновление экономического сотрудничества с Югом и, возможно, с Японией, однако в отсутствие сделки с США по ядерной проблеме это вряд ли возможно, и пхеньянское руководство вынуждено искать выход из крайне неприятного для КНДР и чреватого рисками положения.

Ядерные кризисы на Корейском полуострове запустили в 2003 г. механизм Шестисторонних переговоров с участием КНДР, РК, КНР, США, России и Японии. Несмотря на то, что "шестисторонка" не собиралась с конца 2008 г., авторы убедительно доказывают, что этот формат оказался весьма удачным и остается актуальным. В том числе и потому, что был создан прецедент многостороннего сотрудничества в Северо-Восточной Азии и предложена работающая схема взаимодействия [там же: 255].

Авторы монографии идут еще дальше и предлагают визионерский *"северотихоокеанский проект"*. Он мыслится как институт сотрудничества ключевых игроков в Северо-Восточной Азии и северной части Тихого океана, включая США и их союзников, Китай, Россию и КНДР [там же: 261], в рамках которого можно было бы взаимодействовать не только по ядерно-стратегической проблематике, но и по всему кругу вопросов. Отметим, что некоторые элементы северотихоокеанского сотрудничества уже реально работают. В частности, с 2000 г. действует Форум береговых охран государств северной части Тихого океана (*North Pacific Coast Guard Forum*), объединивший Россию, США, Канаду, Японию, Южную Корею и Китай. Идея "концерта держав" в "северотихоокеанском проекте" хороша еще и тем, что представляет собой некую альтернативу концепту Индо-Тихоокеанского региона, который, во всяком случае в его нынешней интенции, направлен на сдерживание Китая и стратегическое господство США и их союзников.

Москва крайне заинтересована в денуклеаризации Корейского полуострова, в том числе и по той причине, что увеличение количества ядерных государств неминуемо девальвирует ядерный статус России – одну из основ ее великодержавного ранга в мирополитической иерархии. Ракетно-ядерные амбиции Пхеньяна никогда не вызывали симпатий в Кремле, одним из подтверждений чему служит поддержка Россией санкций Совета Безопасности ООН в отношении КНДР. Несмотря на все это, Россия демонстрирует понимание мотивов, которыми руководствуется Северная Корея. Вспомним хотя бы высказывание Владимира Путина о том, что северные корейцы будут "есть траву", но не откажутся от ядерного оружия[8].

В чем причина такой "геополитической эмпатии" России к своему проблемному соседу на Дальнем Востоке[9]? Отчасти такое отношение можно объяснить историей – Москва была напрямую причастна к созданию КНДР, которую СССР затем поддерживал на протяжении более четырех десятилетий. Но есть

[8] Путин: в КНДР "траву будут есть", но не откажутся от ядерной программы. – *ТАСС*. 05.09.2017. URL: https://tass.ru/politika/4532288 (accessed 30.03.2021).

[9] В литературе иногда используется термин "стратегическая эмпатия" (*strategic empathy*), но он обозначает умение распознавать и понимать мотивы своих противников. КНДР, конечно, не враг России, хотя и другом ее тоже назвать нельзя. Поэтому для описания эмоционального отношения России к Северной Корее предлагается использовать термин "геополитическая эмпатия".

и другие, более актуальные и фундаментальные причины. Россию и КНДР, при всех их несомненных и очень существенных различиях, объединяет нечто общее. Это государства, для которых политический суверенитет является абсолютной ценностью. Они знают, что гарантировать сохранение суверенитета могут только военная мощь и ее главное современное воплощение – ядерное оружие. Отсюда "почти сакральное" значение ядерного оружия не только для Северной Кореи [там же: 183], но и, добавим, для нынешней России.

Россия – это великая держава, которая нечасто в истории отличалась экономическим процветанием, но почти всегда располагала значительной военной мощью и выступала самостоятельным, самодостаточным политическим игроком на международной арене. Примечательно, что КНДР тоже иногда характеризуют как "малую великую державу", имея в виду стиль ее внешнеполитического поведения [Korhonen, Mori 2019]. И Россия, и Северная Корея относятся к категории государств, которые Б. Бузан и О. Вэвер именуют "модерновыми", характеризующихся классическим вестфальским типом государственности [Buzan, Waever 2003: 22-23]. Помимо прочего, таким политиям присущ приоритет прав государства над правами индивида: согласно официальной северокорейской формуле, "права человека не могут существовать в отрыве от государственной власти"[10]. Не исключено, что многие в России подписались бы под этим тезисом.

Книгу А.В. Торкунова, Г.Д. Толораи и И.В. Дьячкова "Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет" отличает не только трезвый реалистичный анализ процессов на Корейском полуострове, но и доля геополитической эмпатии. Их монография – это заметный и значимый вклад в корпус политологической литературы о Корее и международных отношениях в Восточной Азии. Хотя она написана в расчете на отечественного читателя, ее версии на других языках (в первую очередь английском, корейском, китайском и японском), несомненно, были бы интересны зарубежной аудитории.

DOI: 10.17976/jpps/2021.03.12

RUSSIA AND THE KOREAN PENINSULA: POLITICAL REALISM AND EMPATHY

A.L. Lukin[1]

[1] *Oriental Institute – School of Regional and International Science, Far Eastern Federal University. Vladivostok, Russia*

LUKIN, Artyom Leonidovich, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor and Vice Director, Oriental Institute – School of Regional and International Science, Far Eastern Federal University, email: artlukin@mail.ru

Lukin A.L. Russia and the Korean Peninsula: Political Realism and Empathy. – Polis. Political Studies. 2021. No. 3. P. 182-191. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.12

Received: 25.03.2021. Accepted: 08.04.2021

Abstract. The political developments on the Korean Peninsula, which is situated, in fact, at the heart of North-East Asia, will largely determine the strategic situation in the Asia-Pacific region and globally. The monograph by Anatoly Torkunov, Georgy Toloraya and Ilya Diachkov "Modern Korea: The

[10] Press Statement of Permanent Mission of the Democratic People's Republic of Korea to the United Nations Office at Geneva and Other International Organizations in Switzerland with Regard to Anti-DPRK "Human Rights Resolution" Railroaded at the 46th Session of the United Nations Human Rights Council. 23.03.2021. URL: http://www.mfa.gov.kp/ru/press-statement-of-permanent-mission-of-the-democratic-peoples-republic-of-korea-to-the-united-nations-office-at-geneva-and-other-international-organizations-in-switzerland-with-regard-to-ant/ (accessed 30.03.2021).

Metamorphosis of turbulent years" is aimed at the consideration of the situation on and around the Peninsula from 2008 to the present. The monograph explores several major interconnected subjects: the domestic processes in South and North Koreas, the North-South relations, the nuclear issue of the Korean Peninsula and attempts to tackle the problem, the prospects for the formation of a multilateral security architecture in Northeast Asia, as well as Russia's policy on the Peninsula and Russia's relations with each of the two Korean states. Although some of the authors' conclusions can be argued, the book, on the one hand, distinguishes a sober and realistic analysis of the processes on the Korean Peninsula, and, on the other hand, a sense of geopolitical empathy, allowing a better understanding of the motives that pushed North Korea on the nuclear and missile path. The authors of the monograph propose a visionary 'North Pacific Project' – an institution of cooperation of key actors in Northeast Asia and the North Pacific, in which it would be possible to interact not only on nuclear strategic issues, but also on a wide range of problems.

Keywords: Korean Peninsula, DPRK (North Korea), Republic of Korea (South Korea), Northeast Asia, nuclear issue of the Korean Peninsula, Russian-Korean relations.

References

Bolton J. 2020. *The Room Where It Happened: A White House Memoir*. New York: Simon & Schuster,

Buzan B., Waever O. 2003. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press.

Goldstein A. 2000. *Deterrence and Security in the 21*st *Century: China, Britain, France, and the Enduring Legacy of the Nuclear Revolution*. Stanford, CA: Stanford University Press. https://doi.org/10.1017/s0003055402344344

Korhonen P., Mori. T. 2019. North Korea as a Small Great Power. – *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. 01.03. URL: https://apjjf.org/2019/05/Korhonen.html (accessed 30.03.2021).

Suh J.J. 2004. Bound to Last? The U.S.-Korea Alliance and Analytical Eclecticism. – *Rethinking Security in East Asia: Identity, Power, and Efficiency*. Ed. by J.J. Suh, P.J. Katzenstein, A. Carlson. Stanford, CA: Stanford University Press. P. 131-171.

Thucydides. 2017. *The Melian Dialogue*. URL: https://we.hse.ru/data/2017/12/29/1160703552/Melosskiy_dialog.pdf (accessed 30.03.2021).

Torkunov A.V., Toloraya G.D., Dyachkov I.V. 2021. *Sovremennaya Koreya: metamorfozy turbulentnykh let (2008–2020 gg.)* [Modern Korea. Metamorphoses of Turbulent Years (2008–2020)]. Moscow: Prosveshchenie Publishers. 448 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

Торкунов А.В., Толорая Г.Д., Дьячков И.В. 2021. *Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.)*. М.: Просвещение. 448 с.

Фукидид. 2017. *Мелосский диалог*. URL: https://we.hse.ru/data/2017/12/29/1160703552/Melosskiy_dialog.pdf (accessed 30.03.2021).